

1050957

СЛАВНОЕ МОРЕ

679 я / 890

Иркутск

Научно-исследовательский институт
при Иркутском государственном университете
Госуниверситете

Художник Б. И. Лебединский

Сборник составили:

*И. И. Молчанов-Сибирский
и К. В. Чуйко*

Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь, и средь белого дня
Близ городов озирался я зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море — священный Байкал,
Славный и парус — кафтан дырчатый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.

Г. Кунгуров

СЛАВНОЕ МОРЕ, СОВЕТСКИЙ БАЙКАЛ...

По страницам путевого блокнота

ИРКУТСК — ЛИСТВЕНИЧНОЕ — БОЛЬШИЕ КОТЫ

Машина взлетела на пригорок. Моросил мелкий дождь. Ангара была пепельно-синяя с темной линией горизонта. Прибрежные горы терялись в сером тумане.

— Придет время, эти окрестности примут новый географический облик, — говорит мой спутник профессор Кожов. — Воды Байкала будут омыwać вот те далекие горы. Вокруг образуются красивые фиорды — любимые места для прогулок, здесь будут дома отдыха, климатические курорты. По эту сторону — мелководье: сеть озер, заливов, заливчиков с протоками. Мы заселим их лучшими породами теплолюбивых рыб.

— Почему теплолюбивых?

— Зеркало воды — огромное, хватит места и холодолюбивым, и теплолюбивым рыбам. Прибрежная полоса будет быстро прогреваться. По солнечным дням, яркости и силе сияния солнца Прибайкалье — Крым, Украина, Италия!..

Профессор — увлекательный рассказчик, он горячо и убежденно рассказывает сказку-быль нашего коммунистического завтра.

— Меня удивляет Горький, — наклонившись ко мне, сказал профессор. Увидев на моем лице недоумение, вызванное таким внезапным поворотом его мысли, он улыбнулся.

— В далекое будущее заглянул великий писатель. Нам, сибирякам, его слова надо помнить, как стихи. Это же истин-

ная поэзия: «Поражая воображение своей грандиозностью, разворачиваются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрошенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары...»

Скоро и Байкал. Чем ближе к «горлу» — истоку Ангары, тем холоднее. Набегает пронизывающий ветер. Небо светлеет.

— Здесь всегда дует, как в трубу, объедем мысок, и повеет теплом.

Подъехали к Лиственичному, заметно потеплело. От Лиственичного до поселка Большие Коты ехали на катере «Гидробиолог» биологической станции Иркутского государственного университета.

Над Байкалом повис реденький туман.

ДВА ЯРУСА ОБЛАКОВ

Катер шел вдоль берега. Вода синяя, гладкая, полированная — на Байкале тихо. Темно-зеленые горы отражаются в воде резкими контурами. К югу — даль необъятного озера-моря, она бледно-палевая, прозрачная, ее окаймляет розовая черта — горизонт. Над этой розовой полоской — серые легкие облака, за ними — голубая гряда гор Хамар-Дабана. Над Хамар-Дабанским хребтом плывут грузные кучевые облака. Ясно видно два яруса облаков — над водой и над горами.

ДВА БРАТА

Медленно движется навстречу катеру отвесная гора, покрытая лесом. Из зелени леса выступают два остроконечных выступа — больших гранитных треугольника светло-бурого цвета с розовыми и желтыми пятнами; их вершины-пики упираются в небо.

— Вот и Два Брата, — говорит профессор Кожов. — Скоро Большие Коты.

Подплываем совсем близко; вместо двух скалистых выступов видны три, все одинаковые и по цвету, и по форме.

— Почему же два брата, их ведь три?

— Не верь своим глазам, — смеется профессор, — иллюзия!

Выступы так расположены, что издали — с юга и севера — всегда видно только двух братьев. Подъезжаем вплотную — над головою три остроконечные глыбы...

ОРЛИНЫЕ ГЛАЗА

Мы на мостике капитана. Катер ведет Григорий Тимофеевич Черепанов. Человек примечательный. Дед его, отец и он родились на берегу Байкала, в Лиственичном. Григорий Тимофеевич прошел строгую школу сибирского таежника и моряка. Ему лет за сорок. Крепкий, коренастый, с крупными чертами

лица, загорелый, закаленный байкальским солнцем и штормом. До Великой Отечественной войны он избородил Байкал на пароходе «Ангара». Охотник-следопыт вдоль и поперек исследовал прибайкальскую тайгу: знает каждую падь, речку, ручей, горное озеро, бухты, заливы, звериные тропы, солончаки изюбрей, скалистые тропки кабарги, лежбища нерп. В Отечественную войну Григорий Тимофеевич громил фашистов на Западном фронте, японских захватчиков — на Востоке, прошел пол-Европы, побывал в Китае. Испытанный в боях командир пулеметного взвода, лейтенант, гвардеец, Григорий Тимофеевич награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями.

— Имею пять пулевых дырок, — шутит он, — ничего, выросли, заживил байкальский ветер. Всегда с нетерпением жду конца зимы: как утка — скорее бы на воду, на волну, в плаванье...

Разговорились мы с ним случайно. На капитанский мостик поднялся профессор Кожов.

— Григорий Тимофеевич, сколько, по-твоему, до берега километров?

Обращаясь ко мне, профессор добавил:

— У Григория Тимофеевича орлиные глаза, зоркости удивительной. В экспедициях я обычно ему поручаю измерение прозрачности воды. Бросит он белый измерительный диск в зеленые волны Байкала и смотрит. Вот уже и 30 метров глубины показывает метка. — Видишь? — Вижу! — отвечает. Прибор, а не глаза!

Григорий Тимофеевич подставил ладонь ко лбу — прикрылся от ярких лучей солнца, прищурился; его серые глаза с приметной монгольской раскосинкой блеснули напряженным огоньком.

— По-моему, до берега километров семь...

— Ну, что ты, не больше пяти. Проверим по карте. Где моя линейка? Так. Прикинем. Да, семь километров. Ничего не скажешь — точно.

Вспоминается другой случай. Катер пристал к берегу. Глухое таежное место. Мы затеяли стрельбу из мелкокалиберного ружья в цель. Отмерили 15 шагов, нарисовали углем на пеньке кружок. Подошел Григорий Тимофеевич.

— Что за стрельба — стыд! Давайте на этом расстоянии с трех выстрелов сухую былинку сшибать.

Все отказались.

— У меня было однажды, — рассказывал он, — поспорил со мной один фронтовичок. «Тебе, — говорит, — не попасть с одного выстрела на пятьдесят шагов в ручные часы.» — «Ставь», — разгорелся я. Снял с руки, поставил. Я сшиб. Часики, как брызги, разлетелись. Он не обиделся, не рассердился. Сам — снайпер, стрелок понимающий, махнул рукой: «Черт с ними, с часами. Уважаю меткий глаз!»

Скала Хобог близ с. Голоустного.

В. Лебединский

НЕРПЫ НЫРЯЮТ

Григорий Тимофеевич стоял за штурвалом и пристально смотрел. На Байкале было тихо, безветренно, небо чистое, солнце склонилось уже за полдень. Тонкие косые волны катились легко и плавно. В полкилометре от катера на светлой поверхности воды мелькнуло что-то черное, круглое, словно вынырнула обгорелая головешка, — одна, две, три... шесть! Вынырнет, подержится немного на поверхности, снова скроется.

— Нерпы ныряют. В такую погоду их можно встретить в открытом море. Я много их добывал, — говорит Григорий Тимофеевич. — Как-то в феврале убил нерпу, с которой чистого жира сняли 64 килограмма. Жир у нее белый, вкусный, слой толстый, похож на свиное сало, только пожиже, не такой крепкий. А был случай, вот профессор помнит, я для музея биолого-географического института добыл нерпу-матку с двумя нерпятами. Долго скрадывал. Осторожный зверь. Лед еще стоял на Байкале, у проруби я их настиг. Нерпят убил, остались на воде; их толкни вглубь — вынырнут обратно, как пробки, а взрослую нерпу добудешь — успевай из воды выхватить, иначе погрузнет, ускользнет под лед. У меня этого не бывало: успевал.

— Говорят, нерпы летом на берег выходят, на камни, даже в пещеры заходят?

— Точно. Смотритель метеостанции в бухте Песчаная товарищ Беляев (он прослужил там тридцать лет) приноровился ловить нерп сетями. Вылезут они на берег, в пещеры забьются, он их и накроет.

— А зачем они на берег выходят, плохо же по суше двигаться?

— По нашим охотничьим приметам, это бывает, когда водяная вошь их одолевает, они выходят на берег, на камни. Вот нынче на берегах нерпы нигде не видно, значит, вошь их не беспокоит.

Катер идет к берегу. Широкий залив окаймлен горами, покрытыми густыми лесами, — Большие Коты.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

На пристани катер встречают научные работники и студенты-практиканты биологической станции при биолого-географическом институте Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова.

Решили осмотреть «хозяйство» станции. С холма она прекрасно видна. Новое здание с мансардой — главный корпус, а в нем лаборатория, музей, научно-исследовательские кабинеты для сотрудников и студентов-практикантов, вверху, на мансарде, — общежитие. Второе большое здание, новое и тоже с ман-

Мыс Колокольный.

сардой, — химическая лаборатория. Под горкой — столовая, дальше силовое хозяйство — электростанция, домик-аквариум, на возвышении — метеослужба. Остальные домики — квартиры для научных работников, обслуживающего персонала, подсобные помещения. Целый городок в живописной бухте Байкала.

Мы спустились с крутого пригорка, направились в главный корпус. Вошли в лабораторию. Здесь ведется трудоемкая исследовательская работа. Микроскопы, тонкие и сложные приборы, склянки с пробами, препаратами, образцами — все сложное хозяйство лаборатории. Оно поставлено на службу изучения растительного и животного мира прибрежных вод и глубинных толщ Байкала, мест наибольшей концентрации живых организмов и мест разреженных, бедных жизнью.

Исследуется температурный режим воды, ее прозрачность, цвет, химический состав, насыщенность кислородом, ветровые особенности Байкала, работа солнца на поверхности воды и в ее глубинах. Изучается растительный и животный мир берегов Байкала. На сложных диаграммах линии взлетают вверх, падают вниз, — это годовые, сезонные показатели изменений различных факторов. На фотографиях и разнообразных препаратах зафиксированы важнейшие материалы.

Биологическая станция... Это не только опорный пункт, где сосредоточена исследовательская деятельность, но и общественно-культурный центр в Больших Котах. У сотрудников и студентов тесная связь с коллективом рабочих золотой промышленности: в клубе читаются лекции, организуются концерты, вечера самодеятельности.

Биологическая станция — привлекательный научный уголок на Байкале. Мы берем в руки объемистую тетрадь в твердой обложке — записи впечатлений экскурсантов. Их побывало за год более двух тысяч человек. Отзывы — удивление и восторг, гимн Байкалу, его первозданной красоте, гимн энтузиастам, исследователям озера-моря, труды которых умножают достижения советской науки.

ПРОФЕССОР КОЖОВ И ЕГО СОТРУДНИКИ

Седой человек склонился над микроскопом. Кажется, ему за шестьдесят. Он выпрямился. Высокий, складный, крепко сбитый, у него загорелое, чисто выбритое лицо с легкой красноватой опаленностью, свойственной всем байкальским рыбакам. Под кустистыми бровями темные, несколько удивленные глаза; в них строгий, затаенно насмешливый, но приветный огонек сибирского бывальца, слепопыта-охотника. Аккуратно пробрит белый квадратик усов, торчит он забавно, словно наскоро наклеен на верхнюю губу, придает лицу задорную моложавость.

Я шагнул навстречу. Кустистые брови дрогнули, белый квадратик вытянулся, в глазах вспыхнула мягкая усмешка;

казалось, он подумал: «Еще один с блокнотом и самопишущей ручкой». Склонил голову с нарочитой уctивостью:

— Корреспондент?

— Нет, писатель...

Мы обменялись крепким рукопожатием. Так несколько лет тому назад познакомился я с директором Биолого-географического научно-исследовательского института Иркутского университета доктором биологических наук профессором М. М. Кожовым. В университете он работает с 1921 года. Более трех десятилетий посвятил изучению Байкала, исходил все его берега, острова, полуострова. На специальном катере ежегодно совершает он со своими учениками и помощниками трудные путешествия по бурному озеру-мoрю. Нередко катер попадал в дикие штормы. Суденышко трепал готовый разнести в щепки о гранитные скалы опустошительный байкальский ураган, бич рыбаков и путешественников, — сарма. В таких случаях штурвал переходил в руки профессора: лучше его никто не умел противостоять разъяренному морю.

С давних времен Байкал привлекает внимание ученых всего мира. Для работы над байкальскими проблемами организованы специальные научные базы: лимнологическая станция Академии наук СССР; научно-исследовательский биолого-географический институт; его биологическая станция на Байкале, в Б. Котах. Научные лаборатории оснащены новейшим гидробиологическим, гидрохимическим, палеонтологическим и другим оборудованием. Моторный флот научных учреждений имеет сложные установки для глубоководных исследований. Профессору Кожову и его сотрудникам удалось раскрыть и научно обосновать ряд загадочных явлений уникального озера-моря. Широко известны его труды, опубликованные Академией наук СССР: «Животный мир Байкала», «Моллюски Байкала», «К истории озерных систем Забайкалья и Прибайкалья» и др. Его гипотеза о происхождении Байкала, как остатка водного бассейна, в незапамятные времена занимавшего громадные пространства, вызвала интерес ученого мира, объяснила, как в Байкал могли попасть океанские обитатели — тюлень, нерпа и омуль. За успешную работу профессор награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Когда речь заходит о Байкале и его обитателях, профессор становится неузнаваем, говорит с горячностью самоотверженного ученого, пламенного энтузиаста, влюбленного в предмет своего исследования. Он увлекательный рассказчик. Его рассказ — поучительная экскурсия в царство невидимых растений и жизни существ древнего моря, богатейшей сокровищницы природы. Это резервуар воды, по площади равный таким европейским государствам, как Бельгия или Голландия; наибольшая глубина его 1749 метров; в байкальскую котловину легко уместится вся вода Балтийского моря. Профессор показывает

нам редчайшие экспонаты Байкальского музея. Музей института — это уголок тайн Байкала. В огромной толще воды и на дне этого редчайшего на земном шаре озера обитают 1500 видов растений и животных, из которых три четверти нигде в мире не встречаются.

Профессор познакомил нас с объемистыми фотоальбомами, диаграммами, сводками; в них запечатлены результаты многолетних исследований Байкала советскими учеными. Здесь отразилась замечательная история поисков, сопоставлений, наблюдений, пытливого проникновения в тайны легендарного озера-моря и его жизни. Открываются живые страницы поистине энциклопедии, целой науки — байкаловедения.

Организуя исследования Байкала, профессор стремится целесообразно распределить темы между научными сотрудниками биологической станции. Даже небольшие, казалось бы, частные, вопросы — неотъемлемое звено общего жизненного круговорота растительного и животного царства байкальских вод. Исследования взаимосвязи и взаимообусловленности различных организмов, их зависимость от внешней среды проливают свет не только на коренные проблемы байкаловедения, но и помогают в решении общих задач современной науки.

Многие работники университета работают здесь по проблеме Байкала.

Старший научный работник Г. Ф. Мазепова изучает жизнь циклопов (микроскопических рачков-хищников) в разных слоях вод; К. К. Вотинцев — динамику биогенных элементов (азот, фосфор и пр.); Н. В. Тюменцев — эволюцию береговой полосы западного побережья Байкала; М. Г. Асхаев занимается изучением частичковых рыб (окунь и др.); аспиранты Я. Г. Потакчев и Л. Н. Могилев трудятся над существенной проблемой — «Пищевые взаимоотношения у байкальский рыб и вертикальные миграции планктона». Важнейший вопрос — воспроизводство рыбы на Байкале — решает старый работник университета доцент К. И. Мишарин с его учениками и сотрудниками.

СТУДЕНТЫ-ПРАКТИКАНТЫ

Мы встречались с ними всюду: на пристани спускались в воду термометры и измерительные приборы; в открытом море изучался планктон и цветение вод; на метеопункте записывались показатели приборов; в лаборатории за микроскопом; в прибрежных лесах. Студенты-практиканты озабочены, поглощены делами, все привлекает их внимание. Небо и вода — голубые и ясные, но через четверть часа и небо, и вода потемнели, стали как густая синька; тихий Байкал вскипел, волны с рокотом и воем ударились о берега. Почему? Тысячи догадок: набежала туча, она виновница внезапной перемены? Дунул ветер с юго-востока — култук, не он ли причина? Сменились вертикальные потоки воздуха, не в этом ли суть?

Студентка Маркова В. часами сидит на берегу Байкала перед рейкой, поставленной в воду, старательно вписывает в блокнот свои наблюдения. Она трудится над научной характеристикой байкальской волны (высота, длина, период). Студенты-биологи Шишлянникова Н., Постных Н. и Гайгалас К. только что вернулись с моря, не пошли обедать, а побежали в лабораторию: надо взглянуть в микроскоп, посмотреть свежие пробы. Они принимают участие в исследовании важного участка — планктона. Планктон — неотъемлемое звено в общем круговороте жизненных веществ Байкала. Здесь непрерывная цепь зависимости, взаимовлияний. Необозримое и увлекательное поле для наблюдений (химизм воды, температура и микроскопические рачки глубинных вод, рыбы и т. д.). Студенты-географы Бородко М., Габова А., Куницына Д. стараются успеть всюду, ведь у них проблема — микроклиматические условия террас западного побережья Байкала. Надо проанализировать, сравнить и сделать выводы по режиму температуры различных слоев воды, установить степень влияния солнечного сияния, осадков, ветров, влажности, давления, туманов. Приходится наблюдать в открытом море, в лаборатории, на метеопункте, штудировать литературу, сравнивая показатели по годам и сезонам, использовать данные старожилов, опытных моряков, бывалых охотников, рыбаков.

Студентка-биолог Кожова О. не отрывает глаз от микроскопа, она бесповоротно решила стать гидромикробиологом. Что может быть интереснее — проследить в общем круговороте жизни обитателей байкальских вод место и значение микробов? Доказано — не было бы омуля в Байкале, если бы исчез микроскопический рачок епишура: им питается молодь омуля, да и сам омуль. Исчезнет епишура, если не будет в толще вод микроскопических растений — питательной среды епишуры; а дальше? В толще вод живет интенсивной жизнью множество бактерий; а их роль? Нет, от микроскопа нельзя оторваться...

Студентка-биолог Варзалова Ф. только изредка любит красота Байкала и то со скал и склонов байкальских гор. В день проходит она десятки километров, зорко рассматривает травы, цветы, кусты, бережно собирает в коробочки, банки, пробирки семена лекарственных растений — витаминосителей. Вместе с солнцем встает студент Лапин С. В руках у него сачок, в сумке коробочки, он уходит в горы, ловит насекомых. Растет коллекция многоцветных бабочек, пестрых жучков, стрекоз, коровок. Любой может позавидовать его счастью — удалось поймать бабочку уникальной величины и окраски. А если это неизвестный в науке вид? Бабочку назовут байкальской, впервые открытой Лапиным. Все может быть, надо сегодня же показать находку профессору.

Ясными вечерами, когда небо густо усыпано звездами, практиканты-географы неотрывно смотрят в телескоп; они знако-

мятся с картой неба: наблюдают за движением планет, созвездий и пр.

Биологическая станция — опорная база для организации студенческой практики. Ее проходят геологи, биологи, химики, гидрологи, географы. Сроки практики уже прошли. Профессор Кожов сидит, склонившись над кипой заявлений. Студенты просят об одном — оставить их на практике, разрешить продолжать опыты и наблюдения. «Более двухсот человек, — трет лоб профессор. — Всех оставить? Разве это возможно? Ведь на очереди следующий поток...»

Уже потемнело небо на востоке, над синим зеркалом Байкала лениво, будто тягучие белые пряди, плывет туман. На оконном стекле крупные капли, обгоняя друг друга, сползают вниз. «К дождю». — шепчет профессор и, внимательно посмотрев на барометр, вновь склоняется над столом и перечитывает заявления студентов. На уголке листка появляется размашистая надпись красным карандашом — «Оставить на практике»; листок складывается в папку; вот второй, третий, и кипа заявлений в папке растет. Ровная строчка пересекает листок наискось — «Отказать»... Мотивы? И острый карандаш взлетает вверх, потом опускается на бумагу: вами работа выполнена, углубить тему сумеете в будущем сезоне, — и листок летит в другую папку.

ВСЕ НАДЕЖДЫ НА НАУКУ

В последние годы чаще и чаще раздаются тревожные голоса: количество промыслового омуля уменьшается; план лова трудно выполним. Рыбодобывающие организации, рыболовецкие колхозы возлагают все надежды на науку. И мы слышали на всех специальных совещаниях требовательные голоса рыбаков:

— Укажите, где наиболее уловистые тони?

— Помогите увеличить вылов.

— На какой глубине и в какое время лучше ставить сети?

Требования эти подсказаны жизнью. Техника лова омуля на Байкале неимоверно возросла: могучий моторный флот заменил утлые баркасы и лодки, он делает возможным покрывать любое водное пространство; многие тони высоко механизированы. Количество же вылавливаемой рыбы не увеличивается. За последнюю четверть века оно стабильно, и никакая механизация и современная техника лова не помогают. Словно Байкал замкнул свои щедрые кладовые, выдает только минимальную норму.

Естественно обращение к науке.

Мы вновь в рабочем кабинете профессора М. М. Кожова. Не успел я позжать ему руку, он обратился к лаборантке:

— Покажите товарищу, что мы изучаем под микроскопом.

Я увидел затейливый и нежный рисунок. С правой стороны

распластала крылья пестрая бабочка, в центре тончайшие кружева, и с левой стороны — отдельные точки, звездочки, сплетенные рваных нитей.

— Какие чудесные микроскопические существа, что это?

— Обычная капля байкальской воды...

— Значит, любуетесь байкальской водой, — пошутил я, — а от вас ждут омуля...

— Бьемся изо дня в день, узнаем, какие содержатся в капле воды питательные вещества для рыб. Каждая капля разная: на разных глубинах, взятая в разное время года, дня и т. д.

— Но ведь байкальская капля прозрачна, как хрусталь?

— Вы знаете, щедро насыщена; тут и микроскопические водоросли, и множество животных — рачки, коловратки, инфузории и пр. Мы их взвешиваем, подсчитываем...

— Результаты?

— Мы довольны: по подсчетам института, этого невидимого простым глазом корма для омуля в Байкале ежегодно образуется около двух миллионов тонн. Это опрокидывает прогнозы некоторых «знатоков», которые утверждали, что количество омуля не увеличивается, даже убывает — ему нечего есть. Наоборот: Байкал может прокормить рыбы в два раза больше.

— Почему же усилились жалобы — омуль не прирастает, вылов не повышается?

Профессор, покусывая верхнюю губу, прошелся по кабинету.

— Может быть, влияют стихийные причины: недостаточность осадков, понижение уровня рек, уменьшение площади нерестилищ, промерзание рек, резкие ветры и т. п.?

— Конечно, эти колебания влияют, — ответил он, — но сотрудники института установили, что за последние 25 лет стихийные невзгоды не выходят за пределы средней нормы. Мы пришли к твердому выводу: причины в порочной практике ведения рыбного хозяйства и рыбного промысла. Недопустимо робка борьба с бичом воспроизводства рыбы — браконьерами. Мой заместитель по институту, доцент П. Ф. Попов, побывал почти на всех рыбных тонях и нерестилищах; он точно установил: более 40 процентов рыбы вылавливается браконьерами варварскими способами, в неурочное время...

Профессор вооружился толстой папкой, с упрямым задором до конца убежденного в своей правоте человека изложил результаты многолетних работ института и биологической станции над жгучей проблемой — воспроизводством запасов омуля. Неумолимы факты кропотливых наблюдений, сопоставлений данных, трудоемких исследований биологических, гидрологических и других факторов по годам, сезонам, географическим точкам и пр. Официально запрещено ловить икраных рыб и молодь; разрешено ловить покатного омуля — так называют ому-

ля, который уже отнерестился. Он, мол, свое дело сделал — потомство воспроизвел. Прошедший сотни километров, изнуренный, низкий по вкусовым качествам, скатывается он после нереста сплошной стеной. Ловить его — самая легкая добыча. Его и не ловят, а буквально вычерпывают тысячами центнеров. Рыболовецкие колхозы за счет покатного омуля быстро выполняют план. Все-таки рыбозаготовительные организации недовольны. Даже такой легчайший способ добычи не дает увеличения вылова: предельная цифра неизменна.

Рассматривая диаграмму вылова омуля по годам, профессор обвел карандашом цифру — высший показатель.

— Можно в относительно короткий срок эту цифру в несколько раз превысить...

— Да, кормов избыток, — ответил я с видом осведомленного человека.

Глаза профессора умно прищурились.

— Внесите в свой блокнот: сплошное уничтожение покатного омуля подтачивает самые основы воспроизводства рыбных запасов. Этот омуль в своей массе впервые идет на икрометание. Только раз в жизни в возрасте 5—6 лет, он сможет пополнить омулевое стадо. Пойдемте, я вам покажу для сравнения...

Он открыл шкаф и, показывая на стеклянные банки, пояснил:

— Вот перед вами омуль икраяный, вот — после вымета икры, а вот «молодой человек» в 5—6-летнем возрасте, потом — в 9-летнем. Какая огромная разница!

Профессор долго рассказывал о разнице в виде, весе, размере, содержании жира каждого экземпляра.

— Научный сотрудник нашего института доцент К. И. Мишарин установил: омуль по мере его роста увеличивает свои способности воспроизводить потомство и наибольшей зрелости и силы достигает в 8—9-летнем возрасте. Но он обречен на вылов, ему не суждено прожить еще два-три года. Вывод ясен: необходимо ограничить добычу покатного омуля, дать возможность участвовать в нерестовании омулям не менее двух-трех возрастов.

— Кто же этому мешает?

— О, батенька, — развел руками профессор, — к сожалению, мешают многие... Только правительственное решение может искоренить порочный, узко деляческий подход к ведению рыбного хозяйства. Рыбодобывающие организации каменной стеной отделены от рыбозаводных. Перед добытчиками рыбы цель одна — выловить как можно больше. Чистосердечно говоря, многие руководители наших рыбозаготовительных предприятий напоминают промысловиков недоброго старого време-

ни, которые руководствовались единственным правилом — бери больше, дары природы неиссякаемы...

Интересы народного хозяйства требуют быть умными и дальновидными хозяевами. Уставы рыбодобывающих организаций нужно в корне изменить: обязать их не только отвечать за план рыбодобычи, но и в равной степени заботиться об увеличении запасов рыбы. Они обязаны и снимать урожай, и добиваться обильных урожаев. Важнейшая задача — воспроизводство рыбных запасов путем заводского рыборазведения. На Байкале и в прибрежной речной зоне этому делу уделяется очень скромное внимание. К. И. Мишарин, опираясь на неопровержимые материалы, утверждает, что выход промысловой продукции из икры при искусственном разведении в три раза выше, чем в природных условиях. Выброшенная при нересте икра массами гибнет от стихийных невзгод.

Рыборазведение — сложный участок, он должен находиться в руках вдумчивых и расчетливых хозяев; и здесь узкоделательский подход — трудно одолимая преграда. Повелось так, что рыборазводной завод считает своей задачей дать из икры мальков. Вышли мальки, спустили их на простор — план выполнен. Дальнейшая судьба — выживаемость мальков, или истинное воспроизводство рыбных стад, — никого уже не интересует и не беспокоит. А беспокоиться и волноваться есть о чем: выживаемость мальков пока чрезвычайно низкая. Прежде чем выбрать место для завода по разведению рыбы, надо знать, есть ли достаточно кормов для личинок и мальков омуля в прилегающей зоне Байкала. Рядом с рыборазводным предприятием необходимо иметь огражденные водные участки для выращивания и подкормки мальков искусственными кормами. Опыт показал, что на подкормке мальки очень быстро растут. Над проблемами создания искусственных кормов для мальков омуля трудятся научные работники биологической станции в Больших Котах.

Рациональное ведение рыбного хозяйства при постоянном содружестве практиков-рыбаков и ученых обеспечит восходящее воспроизводство запасов рыбы на Байкале. Запасы рыбы на Байкале можно в короткий срок удвоить.

Советский человек, опираясь на непреложные законы естествознания, сделает природные запасы поистине неиссякаемыми.

Можно с неослабным вниманием, бесконечно слушать профессора-энтузиаста. Но любой рассказ, будет ли это описание причудливого микроскопического рачка, или штормов на Байкале, или радужных зорь и угрюмых ночей на рыбацких станах; профессор неизменно завершит тем, что наиболее тревожит: плохо мы хозяйствуем на Байкале, не умеем полностью брать его щедрые дары. Наш долг — включить эти дары в общенародную сокровищницу.

К ОТПЛЫТИЮ ЭКСПЕДИЦИИ ВСЕ ГОТОВО

— Мы отплываем завтра, 25 июля, в полдень; все готово, — сообщил профессор Кожов. — Познакомьтесь с составом нашей экспедиции. Руководжу всеми работами я, планктон глубинных толщ берет аспирант-гидробиолог Яков Гермогенович Потакуев. Наблюдения за температурным режимом воды и ее химизмом поручаются ассистенту-химику Антонине Васильевне Самариной, и в помощь ей дается студент-биолог Гайгалас. Капитан катера вам хорошо знаком — Григорий Тимофеевич Черепанов, на него же возлагается измерение прозрачности воды. По этой части его иногда будете заменять вы. Надеюсь, справитесь, я проинструктирую... Механик Суренкин Борис Александрович и моторист Яков Тирских. Оба товарища опытные, знающие отлично мотор и материальную часть нашего судна, на них же возлагается кухня. Борис Александрович — непревзойденный кок, а Тирских — достойный его помощник.

— Цель экспедиции?

— Изучение режима вод Селенгинского мелководного района Байкала в летний период. Мы исследуем вертикальное и горизонтальное распределение температуры, насыщенность минеральным составом, особенно кремнием, изучим биологические факторы — живые организмы различных толщ вод, проследим прозрачность, цвет воды, связи между ветровыми и температурными явлениями. Наша конечная цель — выверить и уточнить имеющиеся данные (схематические карты) наибольшей концентрации жизни Селенгинского мелководья и его границ; научно обосновать, подтвердить фактическим материалом причины этой концентрации, установить степень влияния мелководья на открытые воды Байкала.

— Маршрут?

— Взгляните на карту, — профессор наметил более десяти точек, соединил их тонкими линиями. Получился затейливый рисунок, сложное пересечение линий маршрута. — Могу вас обрадовать: маршрут интересный, многообещающий.

В полдень катер двинулся в путь.

— Барометр резко упал, — сказал капитан Черепанов, стоя у штурвала, — было 718, не прошло и двух часов — 710. Кажется, надвигается сарма — горный ветер с северо-запада.

Северная сторона Байкала темная, хмурая, нависли густые тучи, они громоздятся, плывут низко, оставляя на вершинах гор серые клочья. Восточная часть неба чистая, ясная. Шум волн нарастает, катер качает.

— Сармы не будет, — как бы сам с собой говорит Черепанов, — ветер изменил направление.

Проходит час, и небо светлеет, его словно метлой вымели; тучи скрылись за горными хребтами. Водная гладь серовато-

стального цвета с ослепительными белыми отблесками; над водой, по горизонту, голубая дымка — байкальская марь. Вот и первая остановка в открытых водах, первые пробы и промеры. Гидробиолог товарищ Потакуев на тонком тросе опускает с помощью ручного ворота густую шелковую сетку; она имеет вид белого цилиндра с конусообразным дном, к которому прикреплен тяжелый патрон с вмонтированным внутрь стаканом. Сетка опускается на глубину 50 метров. Подняв ее вверх на 25 метров, посылают по тросу «почтальона» — удлиненный металлический цилиндр с желобком внутри; падая, он ударяет в замок сетки и замыкает ее. Сетку вынимают, она процедила толщу воды в 25 метров. Содержимое стакана сетки сливают в склянку и заливают формалином. Второй раз сетку опускают на глубину верхних 25 метров. Профессор Кожов внимательно рассматривает пробы, снабжает этикеткой. Сетка приспособлена так, что можно брать пробы с любой глубины. Ассистент-химик Антонина Васильевна за это время успела измерить температуру на поверхности воды и на глубине 10 метров, снять пробы специальным прибором для химического анализа на различных глубинах. Григорий Тимофеевич белым диском определил прозрачность воды. Данные всех проб и промеров записывает профессор в экспедиционный журнал. Катер движется дальше, через каждые десять минут измеряется температура поверхностного слоя воды, через каждые 40—50 минут катер останавливается, и сотрудники вновь в том же порядке берут пробы. И так из часу в час, изо дня в день...

ЕПИШУРА

Мы внимательно следим за работой сотрудников, за их привычными и слаженными движениями. Что дают эти пробы, что открывают, в чем их научная и практическая цель? На каждой остановке слышно: епишуры много, епишуры мало. Это слово мы впервые услышали в Больших Котах, в лаборатории. На помощь приходит профессор, он тоже на каждой остановке говорит о епишуре. Что за чудодейственное слово?

В разгар работы по отбору проб профессор, внимательно рассматривая склянку, торопливо говорил:

— Какая ясная закономерность: ниже температура воды — меньше епишуры, выше — наоборот, больше...

Мы с жадностью смотрим на пробу в склянке: видны только мелкие белые хлопья; наше разочарование замечает профессор и приглашает в каюту.

— Посмотрим под микроскопом.

Отчетливо видны епишуры — маленькие рачки белого цвета с жемчужно-серебристым отливом. Неясно выделяется головка, она срослась с грудью, удлиненное туловище; пониже рта торчат мохнатые отростки в виде пушистых лапок, ими он отцежи-

ваит из воды микроскопические растения, свертывает в комочек и пожирает.

— Рачок разборчивый, — говорит профессор. — Мы его попытались накормить толченым стеклом. Отцедил он своими мохнатыми лапками, сбил в комочек стеклянную пыльцу, сунул в рот и выплюнул...

— Такой малютка, какой от него прок?

— Малютка? Если в Байкале выловить все животные организмы, то почти четыре пятых составил бы эпишура и только одну пятую — рыбы всех пород и нерпа. Эпишура размножается с неудержимой быстротой, имеет два-три потомства в год, вместе с другими такими же рачками она дает ежегодно около двух миллионов тонн живой массы. Для воспроизводства омуля достаточно одной десятой этой массы. Остальное либо гибнет, либо пожирается голомянкой и бычками. Судя по запасам эпишуры, мы можем иметь в Байкале омуля намного больше. Эпишура очень приспособлен к среде; он десять раз меняет свой наряд — линяет. Он прямо-таки байкальская коровка: обитает на тех глубинах, где много растительного корма. Он превращает микроскопические растительные продукты, которые мы простым глазом воспринимаем как зеленый цвет воды, в белковые тела и капельки жира. Вычислено: чтобы прибавиться в весе на один грамм, молодой рыбке надо съесть не менее 3—5 граммов рачков, а взрослой еще больше. Наблюдения показали: в годы обильного урожая эпишуры процветает и омуль; он жирный, упитанный, и наоборот: мало эпишуры — он рыщет по Байкалу в поисках кормов, голодает, худеет, плохо растет.

— Какую же роль играет температура воды?

— Огромную, особенно в этом круговороте: микроскопические растения — эпишура — омуль. Почти у всех водных животных температура тела всегда равна температуре воды, в которой они обитают. Эпишура быстрее растет при температуре воды девять-двенадцать-четырнадцать градусов. Если вода нагревается выше четырнадцати градусов, этот рачок погибает; при температуре ниже восьми-деяти градусов рост его замедляется. Омуль в поисках корма ищет такие районы и горизонты воды, где больше эпишуры, рыбу привлекает температура, оптимальная для роста и развития эпишуры. Воды с температурой выше четырнадцати-пятнадцати градусов, а также с очень низкой омуль летом избегает.

— Летом? А зимой?

— Зимой и ранней весной верхние слои воды имеют очень низкую температуру, в это время вода теплее на дне, там она около четырех градусов, и омуль уходит в глубины и продвигается в придонных слоях. Как только верхние слои воды нагреются до температуры, оптимальной для роста рачков, что скорее всего происходит у берегов, омуль густыми косяками

устремляется к берегам. Здесь и ловят его закидными неводами. Вода начинает здесь перегреваться — омуль отходит от берегов и продвигается в верхних слоях воды открытых районов, где его ловят специальными сетями.

— А прозрачность воды?

— Прямая связь. Взгляните на данные промеров. Чем прозрачнее вода, тем ниже температура, беднее жизнь, мало эпишуры, нет кормов для омуля.

...Работаем несколько дней, катер прошел сотни километров: в тетрадах сотрудников и в экспедиционном журнале профессора — колонки цифр, странички убористых записей. Как тонкий контурный рисунок, проясняется общая картина закономерностей и связей жизненного круговорота байкальских вод: прозрачность — глубина — температура — химизм — насыщенность растительной жизнью — скопление микроскопических животных организмов (особенно эпишуры) — концентрация омуля.

Профессор удовлетворен данными; правда, в них выпадает еще одно существенное звено — интенсивный мир бактерий, но это особая проблема и в задачи данной экспедиции не входит.

На палубе собрались сотрудники, руководитель экспедиции подводит первые научные итоги.

— Селенгинское мелководье с его выразительным «лицом» — это обогатительная фабрика старика Байкала.

Профессор открыл экспедиционный журнал.

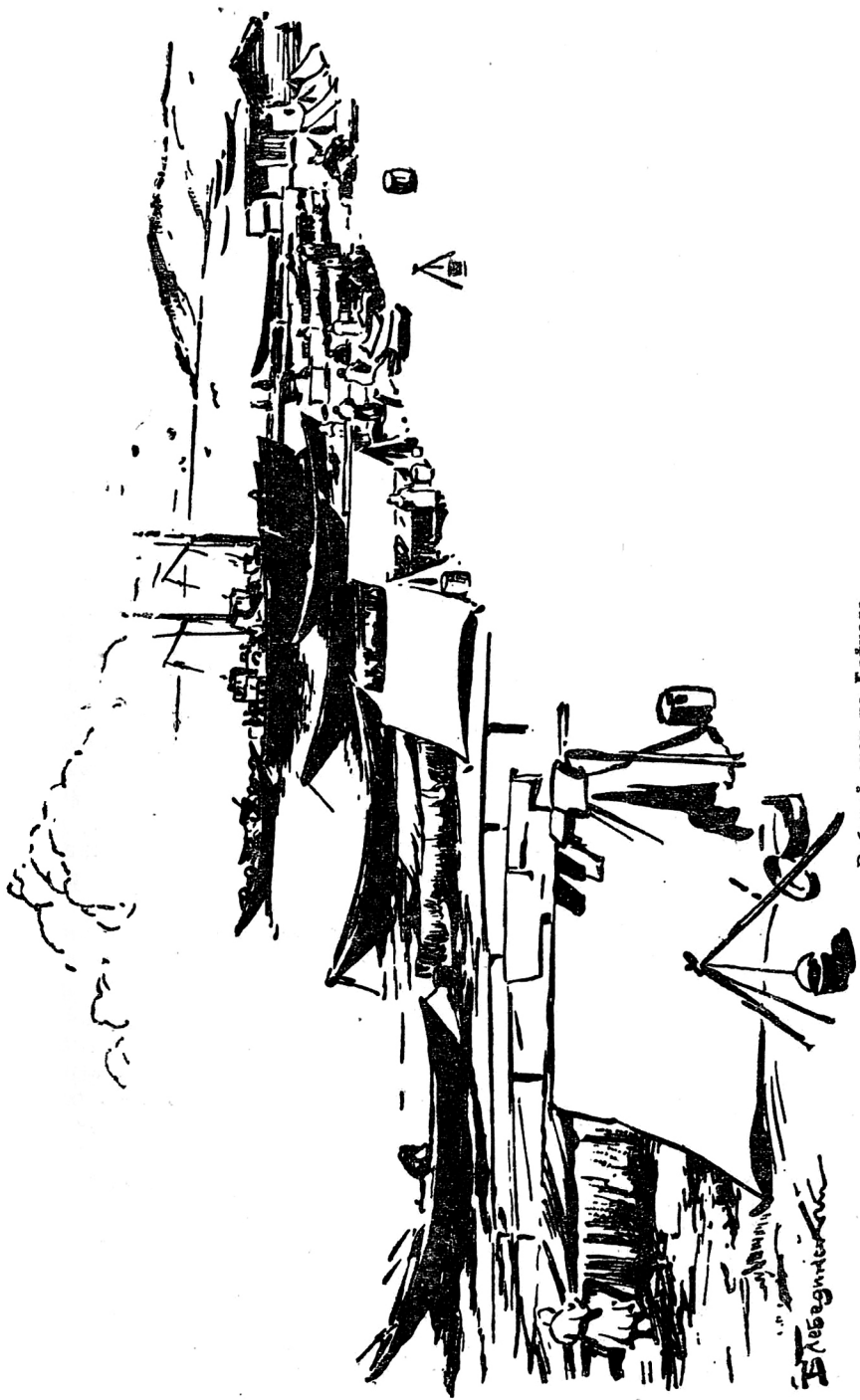
— Вот характеристика полосы, глубина которой полтора-два метра: температура — 20 градусов; цвет воды — грязновато-зеленоватый, масса водорослей; прозрачность — самая минимальная; насыщенность биологическими продуктами — огромная. Взгляните на данные глубинной полосы, которая тянется до предмелководья. Глубина — более ста метров; прозрачность — 12 метров, температура на поверхности воды — девять градусов, а на глубине десяти метров — шесть; насыщенность эпишурой — бедная; химизм воды — типично байкальский (малое содержание минеральных солей).

На мелководье много рыбы, особенно сороги и окуня, здесь водятся и осетры, это их любимое место, но омуля здесь нет: он не выносит такой грязной и теплой воды. Его нет и в глубинах с низкой температурой. Омуля надо искать летом в полосе между открытыми глубинами и мелководьем. Здесь всего больше эпишуры. Эту зону мы поместили на карте.

Профессор улыбнулся, спросил:

— Какие еще можно сделать выводы из наших данных? — и сам ответил:

— Селенгинское мелководье щедро обогащает своими водами с помощью ветров большие пространства открытого Байкала; удобряет химическими и биологическими продуктами, повышает температуру воды и пр. А разве такая щедрая у нас только Селенга? Все реки и речки в меру своих «сил и способ-

Рабочий стан на Байкале.

Лев Владимирович

ностей» проделывают плодотворную обогатительную работу. Сколько их впадает в Байкал? 336! То-то... Так и создается изумительная картина жизненного круговорота в природе. Наш Байкал — самое колоссальное в мире глубокое и холодное озеро. Неустанная работа на него рек, солнца, ветров создает лишь в одной пятой части его вод насыщенную жизнь — промысловые зоны.

Профессор внимательно оглядел слушателей.

— Вижу, недовольны... Одна пятая — не маловато ли? Во-первых, я говорил о промысловых зонах, а на дне, в этих холодных лабиринтах, на глубине около двух километров, тоже есть жизнь... Во-вторых, мы — советские ученые — расширяем эти зоны жизни, насыщаем их полноценными организмами большого промыслового значения.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ГЛУБИН БАЙКАЛА

Заговорили о «бездонной» глубине Байкала. Его океанская глубина — факт исключительный. Немало существует научных гипотез, ученые пытаются проникнуть в тайны тех причин, которые породили эту страшную глубину озера-моря. А нас интересует скромный вопрос: кто первый измерил глубину Байкала, чей лот впервые достиг его дна? Когда это было?

С давних пор утверждалось, что первым в мире сумел измерить тысячеметровую глубину в водоемах земного шара мореплаватель англичанин Джемс Росс и сделано это было в море в 1840 году. Утверждалось также, что морскую глубину Байкала впервые измерили ссыльные участники польского восстания 1863 года В. Годлевский и Б. Дыбовский. Действительно, эти труженики науки в 1876 году составили карту глубин Байкала, она считалась первой картой, и это казалось истиной; во всех книгах о Байкале так и помечено.

Нам захотелось приоткрыть страницы истории, познакомиться с точными данными по этому вопросу. Оказалось, что первые морские глубины были измерены задолго до исследований Джемса Росса, и сделано это не в океане, а в оз. Байкале.

Мы открываем старинный «Байкальский сборник» — выпуск первый за 1897 год. Горный инженер Л. Ячевский в заметке «Об измерении глубин Байкала в 1798 году» пишет: «В Барнауле я приобрел карту Байкала с промерами, произведенными, по-видимому, в 1798 году, но во всяком случае не позже...» Карта эта оказалась снабженной описанием плавания по Байкалу и подробными данными промеров глубин.

Описание подписано: «Берггешворен Никита Карелин. Декабря 4 дня 1798 года».

Смелым землепроходцем, замечательным географом-исследователем был Никита Карелин. В конце 18 века он служил в Алтайском горном округе. Л. Ячевский ознакомился с редчай-

шим экземпляром оригинальной работы, «положительно художественной» и точной. Это съемки Никиты Карелина водного пути от Верхнеудинска до Байкала, затем всей Ангары до впадения в Енисей, части Енисея до Кеми и Кеми от Маковского селения до впадения ее в Обь. Это и есть тот знаменитый путь, по которому из Нерчинских заводов возили в старину свинец в Барнаул. На съемке обозначены все мели, пороги, шиверы, указаны глубины, падения, скорости течения. «Словом, работа Карелина не простая съемка, а обстоятельное физико-географическое исследование».

Никита Карелин описал свое бесстрашное и трудное плавание по Байкалу, совершенное более ста пятидесяти лет тому назад. Утлое судно храбрых мореплавателей, гонимое бурей и штормами океанской силы, несколько раз пересекало страшное озеро-море. Завершая последний рейс, судно было подхвачено свирепой бурей и разбито. Никита Карелин сделал на карте подпись: «Чертеж, представляющий часть моря Байкал с означением промера глубины по румбам, произведенному унтер-шихтмейстером Сергеем Сметаниным и Егором Копыловым, равно же и проплывтию на судах берггешворена Карелина и, наконец, примерного пути, носимого непостоянством ветров подрядчика Шумилова судна, значущагося под № 1, на котором находится унтер-офицер Яков Симонов...»

Утверждение о первооткрывателе водных глубин англичанине Джемсе Руссе рассеялось. Первыми исследователями огромнейших глубин Байкала оказались смелые и настойчивые русские люди: Сергей Сметанин, Егор Копылов, Яков Симонов, Никита Карелин.

ЛЕС НАД ВОДОЙ

Катер остановился в заливе Провал. Странное название... Почему Провал? Взглянув на противоположный берег, на гранитные скалы высотой в триста метров с их прямыми разломами и трещинами, мы вспомнили академика Обручева; его теорию образования байкальской котловины. «Стоя на высоком нагорье, на краю величественной впадины Байкала, нельзя согласиться с тем, что впадина — результат сочетания продолжительного размыва и медленных складкообразовательных движений земной коры. Слишком она глубока, слишком обширна и слишком круты ее склоны. Такая впадина могла быть создана только дизъюктивными (т. е. сбросовыми) движениями земной коры и создана сравнительно недавно, иначе ее крутые склоны были бы уже сглажены размывом, а озеро заполнено его продуктами».

Вот где ответ на многие вопросы происхождения Байкала и обоснование частых землетрясений. Подсчитано, что за 250 лет на Байкале произошло восемьсот землетрясений. За по-

следние сто лет ежегодно происходит четыре землетрясения. Самое сильное из них случилось в 1861 году. После сильных подземных ударов земля вздулась буграми, потом стремительно опустилась, и под водами Байкала исчезла часть дельты реки Селенги — Цаганская-степь, площадь в двести сорок квадратных километров. По рассказам очевидцев, вода устремилась из озера сплошной стеной. Жители большой деревни Дубинино, расположенной в двенадцати километрах от озера, утром увидели, что под самыми окошками синеют байкальские воды. Место, залитое водой после землетрясения, и назвали Провалом.

Мы пошли в рыболовецкий стан колхоза «Байкал». На сушилах были развешаны сети, поодаль лежали пловучие маяки. К вершине каждого маяка прикреплен пучок пышных кедровых веток. Зеленые опознавательные знаки — дело рук девушек-рыбачек. Бригада готовилась к отплытию. Бригадир — бурят небольшого роста, коренастый, крепкий, с загорелым лицом — стоял у потухающего костра и проводил беседу с рыбаками, сидевшими тесным кружком на песке.

Уже третий день рыбаки не выезжали на лов: омуль ушел, надо менять место рыбалки. В начале июля добывали много. Более ста центнеров отборного, нагульного омуля давало при- тонение. Ежедневно планы перевыполнялись.

Бригадир — общительный и разговорчивый собеседник.

— Бригада выезжает на лов в восемь часов вечера. Ставит сети и до утра находится в море.

— Как отыскиваете места лова?

— Помогает практика, опыт рыбаков и наука, — бригадир посмотрел на профессора, — мы плаваем от мелководья, где нет омуля, в глубь моря. Знаем, какую температуру любит омуль, на какой глубине держится в это время. Примет много. Наши сети охватывают километровое пространство, ставятся умелыми руками — улов обеспечен.

— Сейчас вы меняете место лова, почему?

— Омуль «пасется», — рассмеялся бригадир, — ищет корм. Здесь на мелководье омулю душно, вода теплая, мутная, надо найти новые кормовища. Мы знаем, где в конце июля лучшие для омуля «пастбища», в каких местах и глубинах, — туда и направляемся.

— Человек ищет, где лучше, а омуль, где глубже, — пошутили мы.

— Не всегда так, — ответил бригадир.

Рыбаки погрузились в лодку-баркас, подняли паруса и уплыли.

Утром катер пошел в открытое море. Направление — противоположный берег, бухта Анга. Мы отошли от берега пять километров. Вдали на восточной стороне синел мыс Тонкий, против него вырисовывался лес; деревья стояли над водой, буд-

то выросли они на голубой поверхности Байкала. Григорий Тимофеевич посмотрел в бинокль.

— Байкальские рыбаки в таких случаях говорят: «Опять голомянятся... К непогоде, к ветру-верховику.»

Подошел профессор, тоже посмотрел в бинокль.

— Голомянятся — местное слово. Лес над водой — явление миражное, зависит от быстрой смены температуры воздуха, направления ветра, яркости неба.

Небо было чистое, тонкой прозрачности, Байкал покрыт ровными мелкими волнами, дали просвечивали, как стеклянные. На середине Байкала, в его северо-западной стороне, отчетливо виднелась бледно-голубая гора.

— Это остров Ольхон, — сказал Григорий Тимофеевич, — от нас до него более сорока километров.

ГОРНОКЛИМАТИЧЕСКИЕ КУРОРТЫ

Намеченный по маршруту путь в один конец был пройден. Промеры и пробы во многом подтвердили предположения профессора. Данные, которые будут получены на обратном пути, сопоставление и уточнение их помогут представить законченную картину.

— Бухты западного побережья привлекают своей суровой первозданностью. Бухта Песчаная... С южной стороны высятся скалы розовато-бурого цвета — Малая Колокольня, с северной — такая же скала большого размера — Большая Колокольня. Берега бухты ровные, желтый песок горит на солнце, за песками — широкая зеленая платформа, она упирается в подножье гор, покрытых густо-синей байкальской тайгой. В бухте тепло и тихо; она хорошо защищена от ветров.

— Замечательное место для горноклиматического курорта, — говорит профессор. — Налицо все факторы: обилие солнца, тепла, умеренная влажность, воздух насыщен озоном, идеальный пляж, удобное место для разбивки купален, водных станций. А вокруг, куда ни глянь, такая свежая морская и таежная красота — сибирское раздолье, байкальский Крым!

Мы идем по узкой таежной тропинке через перевал. Тропа — ковровая дорожка, посыпанная ржаво-буровой хвоей; часто дорожку пересекают узловатые корни, по краям — густые травы, высокие, пестрые цветы. По обеим сторонам нависли кусты багульника. Здесь он высокий, остропахучий, густой; чтобы пройти, надо раздвигать его руками. Мы на вершине горы. На востоке — Байкал, он будто сшит из трех гигантских полос. Прибрежные воды — ярко-зеленые, середина — цвета слабой синьки, дали — темные с лиловой дымкой по горизонту. На западе тянутся горные хребты со скалистыми вершинами, подпирающими небеса; угрюмые пади, по которым гремят бурные речки; по крутому обрыву вьется тропка; приглушенно шу-

мит горная тайга. По уступам тропки спустились с горы — бухта Бабушка. По красоте и местоположению она привлекательнее бухты Песчаной.

— Вот и второй горноклиматический курорт, — восхищается профессор. — И таких мест по побережью много...

Вернулись мы к своей палатке поздно вечером. Над тайгой горели белые звезды. Байкал почернел, рокотали волны; тяжело гудела тайга.

Утром мы проснулись с восходом солнца. Байкал был тихий, блестел, как голубой шелк, только узкая, едва приметная полоска да молочная дымка напоминали о горизонте. Звонкими переключениями встречали солнце птицы. Кружились чайки и садились на спокойные, сонные воды Байкала. Из-за горы выплывало солнце, и упали на Байкал золотые полосы, чайки стали розовыми, вершины гор светились. Недолго стояла тишина, с гор дунул ветерок, мелкая рябь испестрила воды у берегов, побежала вглубь, вдаль. Мелкие волны играли на солнце, словно ковер многоцветный; краски то переливались радужными отсветами, то меркли и совсем угасали. Наплыла туча, и Байкал внезапно помрачнел, насупился, его изрезали ветровые полосы. Чайки с криком взлетали, кружились, споря с ветром, и садились на просветы между темными дорожками. Ветер усилился, и волны с шумом ударяли о берега, раскаты их заглушали рокот тайги.

— Горноклиматический курорт? — пошутили мы.

— Дует култук — ветер с юго-запада. В бухте по-прежнему тепло и уютно. Горноклиматическая зона неуязвима, — убежденно ответил профессор.

Катер идет быстро, рассекая волны и покачиваясь. Плыдем по строго намеченному маршруту. Уже более часа, несмотря на качку, профессор пишет. Закрыв журнал, он говорит:

— Есть что обрабатывать, богатейший материал для камерального усидчивого труда. Нанесем все на карты. Они будут иметь и научное, и практическое значение. Засядем в лаборатории, начнем день и ночь считать и взвешивать наших епишур, чертить графические кривые и готовиться одновременно к новой экспедиции — надо охватить весь Байкал... Частичные открытия важны, но главное — установить закономерность, взаимозависимость явлений, чтобы, познав их, научиться управлять Байкалом, быть его безраздельным и умным хозяином.

Мы вернулись в Большие Коты. Стоял тихий вечер. В прибрежных водах отражалась густая зелень лесов, черные уступы скал. Над Байкалом догорало красноватое небо заката.

Солнце село за остроконечные вершины гор, Байкал накрыла тяжелая буро-лиловая пелена, краски медленно темнели, надвигалась вечерняя мгла.

С профессором Кожовым и его сотрудниками мы попрощались на пристани Большие Коты.

СТОЯНКА ЛЮДЕЙ НОВОКАМЕННОГО ВЕКА

С высокого холма виден исток Ангары — «горло», — называют его местные рыбаки. Вода с неудержимой скоростью катится из Байкала. Даже свирепый сибирский мороз бессилён скватать этот водный пережат: исток Ангары никогда не замерзает. Здесь и берет начало могучая сибирская река. Вспоминаются строчки стихотворения старого поэта:

Где с шумом Ангара седые волны мчит
Из урны древнего Байкала.

На правом берегу, против Шаманского камня, овееинного древними легендами, на пригорке, стоит палатка, далеко виден синий дымок, он стелется тонкой полоской по желтому откосу. Здесь, на мысе Рогатка, ведет раскопки археологический отряд Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Принимают участие в них и сотрудники Иркутского краеведческого музея.

Начальник отряда, аспирант Ленинградского ордена Ленина университета им. А. А. Жданова Николай Николаевич Диков, и научный сотрудник Ленинградского Эрмитажа Мария Павловна Нечаева рассказали нам о тех археологических находках, которые удалось найти при раскопках. Н. Н. Диков показал место раскопок. Площадка, разбитая на метровые квадраты, расположена на удобном месте: с двух сторон защищена от ветров горами; поодаль — падь, в которой шумит ручей, когда-то могучая горная речка; вокруг таежный простор; в небольшом отдалении — Байкал и исток Ангары. Древние люди, приспособляясь к суровым условиям, отыскивали именно такие места для своих стоянок. Н. Н. Диков говорит:

— Мы нашли явные следы пребывания здесь людей новокаменного века: несколько очагов, сложенных из камней, остатки кострищ...

М. П. Нечаева показала найденные при раскопках предметы бытового и охотничьего обихода древних обитателей этой стоянки: каменные наконечники от стрел, ножевидные кремневые пластинки, скребки, остатки керамики со своеобразной орнаментикой новокаменного века.

Работа отряда в самом разгаре, осторожно снимается сантиметр за сантиметром грунт, тщательно просматривается каждая горсть земли. Все, что обрабатывала рука нашего древнего предка, дорого и ценно для советской науки.

По берегам Ангары и в других местах нашей области работает несколько археологических отрядов. Руководство деятельностью этих отрядов осуществляет наш земляк, хорошо известный иркутянам, — лауреат Сталинской премии, доктор исторических наук профессор Алексей Павлович Окладников.

Рассматривая разрезы, слои грунта и найденные предметы быта людей новокаменного века, профессор Окладников предполагает, что, возможно, на этих стоянках обнаружит и палеолит — следы пребывания людей древнекаменного века.

СЛАВНОЕ МОРЕ, СОВЕТСКИЙ БАЙКАЛ

Дорога тянется по склону горы, желтый песок горит на солнце. Вот и последний поворот — Байкал остается позади. На взгорье мы останавливаем свою машину. С высокого яра видны хрустальные с голубыми отсветами дали Байкала. Едва приметная полоска да молочная дымка напоминают о горизонте. Резко очерчены темно-лиловые горы, врезанные в белое небо. Мягко шумит прибайкальская тайга, мелкая волна шаловливо плещется у подножья гранитного уступа.

Идет пароход, разрезая прозрачное голубое стекло, серая полоска дыма поднимается над трубой и лениво тянется вверх. Пароход тяжело оседает на воде: трюмы его полны грузом. Он делает плавный поворот, удаляется, и скоро становится едва приметным его силуэт, потом и силуэт исчезает в живых серебряных бликах, и только серый дым еще долго возвышается над водой. Навстречу идет такой же морской корабль. Наш спутник, представитель Рыбтреста, взглянул на карманные часы, улыбнулся:

— Похвально, — пробасил он, — график вошел в жизнь наших байкальских мореходов... Сейчас у них горячая пора: в разгаре летняя путина...

— Каков «урожай» рыбы, что обещает улов?

— Паутина нынче началась особенно дружно: косяки омуля пошли сплошными потоками. Их быстро обнаружили наши рыбопромысловики — техника и наука помогают, — многозначительно пояснил представитель Рыбтреста.

— Что за рыбопромысловики?

— Особые катера... Увлекательная работка! Послушайте несколько строчек из отчета капитана — нашего рыбопромысловика: «Мы только что проплыли часть Малого моря около Онгурен и остановились в нескольких километрах от тони знатного рыбака Альференко. Было тихо, вдали отчетливо виднелись резкие очертания берегов. Мы собрались на палубе, наблюдатель закричал: «Омуль идет!» Мы увидели редкостное зрелище: навстречу катеру шел огромный косяк омулей. Рыба шла густой тучей у самой поверхности воды, темные спины и верхние плавники лежали мелкой рябью на необъятных пространствах водного поля. Затаив дыхание, мы смотрели на это рыбье переселение. Не дойдя до катера, косяк круто повернул к берегу по направлению к тони Альференко. Наблюдатель немедленно дал знак. Вскоре послышалась команда бригадира:

— Ходи!

Стали спорить: сколько выловит бригада? Сто?.. Сто пятьдесят центнеров?.. Под утро узнали: бригада Альференко только за одно притонение добыла двести центнеров отборного омуля.

— За катером-рыборазведчиком пошли в ловецкие рейсы катера Южнобайкальского рыбозавода «Победа» и «Нерпа». Они доставили в экспедиционный лов в Малое море более двухсот рыбаков с Южного Байкала с парусным флотом, лошадьми, рыболовной снастью, техникой. Рыбаки начали лов соровой рыбы в Мухорской и Ташкайской губах Байкала. Сетевщики вышли на лов омуля в открытые воды Байкала. Началась путина на Малом море. Вышли на промысел около тысячи рыбаков Ольхонского района. Первыми открыли путину по водополью и дали рекордные уловы омуля бригады знатных рыбаков острова Ольхон Альференко и Урбазая Урбаханова.

Их бригады сдали Маломорскому рыбозаводу сотни центнеров крупного нагульного омуля.

Представитель Рыбтреста замолчал, стал закуривать, во дворилась необычная тишина — Байкал спокойно, размеренно дышал...

Тишину нарушили грохот грузовой машины и звонкие голоса. Машина поравнялась с нами. Ехала шумливая, веселая молодежь — рыбацкое пополнение. Пели любимую песню «Славное море, священный Байкал». Вслушиваясь в знакомый с детства мотив, мы уловили новые слова этой народной песни; молодежь пела:

...Славное море, Советский Байкал!
Тралер — отменно хорошее судно.
Эй, баргузин пошевеливай вал...
На море нынче не трудно..

СОДЕРЖАНИЕ

Далеко в стране Иркутской

Славное море — священный Байкал.. Песня	3
Виссарион Саянов. Старый Иркутск. Стихи	7
Ал. Шмаков. Город на Ангаре. Отрывок из романа «Петербургский изгнанник»	9
Из «Записок иркутского жителя» И. Т. Калашникова	31
Из книги Е. А. Авдеевой «Записки и замечания о Сибири»	42
Из очерка М. Александрова «Иркутск летом 1827 года»	51
Из очерка П. Аленича «Провинциальная страсть к литературе»	65
Из воспоминаний Полины Анненковой	68
Н. А. Белоголовый. Из «Воспоминаний сибиряка о декабристах»	76
Николай Задорнов. Иркутск. Отрывки из романа «Капитан Невельской»	91
А. Игнатьев. Отрывок из повести «50 лет в строю»	127
Ф. А. Кудрявцев. Исторические памятники Иркутской области XVII—XX вв. Очерк	132
Д. Давыдов. Думы беглеца на Байкале. Стихи	167
Л. Тихонова. «Славное море»	169

Этих дней не смолкнет слава

И. Молчанов-Сибирский. Народный герой. Поэма	173
Ю. Бессонов. Отрывки из повести «Суровая юность»	179
М. Рыбаков. Из цикла «Иркутск». Стихи	238
Фабрици Гарин. Отрывок из романа «Командующий фронтом»	240

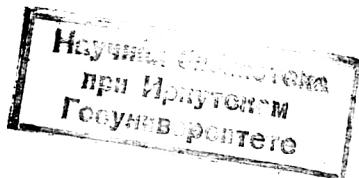
Волею нашей рожденное

Анатолий Ольхон. Байкальское сердце. Стихи	259
Юрий Левитанский. Дорога к Байкалу. Здесь обычай древний не нарушат... Стихи	262
Н. Волков. Славное море. Очерк	265
И. Молчанов-Сибирский. После шторма. Закат у Ольхонских ворот. Первый снег. Стихи	314
Егор Полянский. Из цикла «Море четырех ветров». Стихи	317
И. Дворецкий. В новую дорогу. Рассказ	319
Анатолий Ольхон. Исток Ангары. Ангара. Падунский порог на Ангаре. Стихи	330
Николай Перевалов. Романтик. Стихи	333
Георгий Марков. На Байкале. Рассказ	335
Иннокентий Луговской. Слово к Байкалу. Остров семи ветров. Разговор с археологом. Восточные Саяны. Где Кузьмиха, где Кузьмиха, куликовы острова? Стихи	347
Юрий Левитанский. «Кто сказал, что в Сибири холодно?..» «Ты знаешь, как пахнет багульник?». Стихи	355
В. Марина. Над Байкалом. Рассказ	358
Л. Татьяничева. Байкал. Сарана. Стихи	369
Петр Реутский. В море. Стихи	371
Л. Татьяничева. На земле сибирской. Из дорожного дневника	373
Константин Седых. Парень из Иркутска. Стихи	393
Владимир Наумов. Баргузин. Стихи	394
Г. Кунгуров. Славное море, советский Байкал... По страницам путевого блокнота	396
Марк Сергеев. Песня. Ангара. Ночной лов. Стихи	422
В. Н. Скалон. На берегах Байкала. Очерк	425
Иван Харабаров. «Дни — кедровые орехи...» Стихи	437
М. Рзбаков. Ангарский мост. Стихи	438
Светлана Кузнецова. Ангара. Стихи	440
Евгений Евтушенко. Пьяный порог. Стихи	441
А. Преловский. Ангаре. Стихи	443
В. Конев. Ангара. Перед штормом. Стихи	444
Марк Сергеев. Памятник Ильичу. Стихи	447
Анатолий Злобин. Репортаж с наплавного моста. Бесконфликтный очерк с прологом и эпилогом	449

Николай Перевалов. Бетонщицы. Стихи	460
Александр Гайдай. Рождение моря. Стихи	471
Валерий Ладейщиков. На дне морском. Приморская ули- ца. Стихи	472
Виктор Киселев. Четыре ветра и река. Иркутское море. Стихи	475

Глазами друзей

Пабло Неруда. В поезде, идущем через Сибирь. Стихи . . .	479
Андрэ Пьеррар. Два француза в Средней Сибири	482
Дитер Кершек. В полевой квартире мирной армии	490
Ст. Станчев. Обетованная земля	493
А. Монеджикова. Иркутск.	497
Шэньянская молодежная делегация. Что мы видели в Иркутске .	503
Чэнь Юй-гун. Талантливейшие советские строители	505
Веслав Иваницки. Две недели в Восточной Сибири . . .	507

Сборник. *Славное море*

Редактор *Н. Н. Соколова*

Техн. редактор *Т. И. Сорокина*

Корректор *И. Ф. Богданова*

Сдано в набор 18 мая 1957 г. Подп. к печати 14 сентября 1957 г. Печ. л. 32,5.
Уч.-изд. л. 32,5. Бумага 60×92/16. Тираж 15000. Заказ № 846. НЕ 04154

Иркутское книжное издательство, ул. Красной звезды, 18.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.